

А. И. Рупасов

Советско-шведские отношения в конце 1950-х гг.

Конец 1950-х гг. стал началом тех глобальных изменений, которые делали неизбежными серьезные корректировки в той внешнеполитической доктрине Швеции, которую на протяжении почти полутора предшествующих десятилетий отстаивал глава внешнеполитического ведомства Э. Унден. Эти изменения сделали бы неизбежным его уход вне зависимости от возраста и состояния здоровья. Одновременно эти изменения в значительной мере оттесняли Советский Союз с того места, которое он занимал во внешнеполитических приоритетах шведского правительства. Эпоха деколонизации, ослабление напряженности на европейском континенте, позволявшее оценивать ситуацию в Европе как состояние некоего баланса, не грозящего неизбежностью войны, а также последующее становление движения неприсоединения открывали для Швеции те широкие перспективы, которые позволяли шведской дипломатии гораздо активнее выступать в международных делах, а шведскому бизнесу предоставляли выход на новые рынки приложения капитала и источники сырья. Советской дипломатии приходилось в этих условиях изыскивать иные подходы к отношениям со Швецией. Этот процесс был длительным. Ни частный визит в СССР в 1954 г. Ундена, ни визит премьера Таге Эрландера в 1956 г. не повлекли каких-либо реальных сдвигов в пребывающих в состоянии время от времени прерываемой шпионскими скандалами «дремы» двусторонних отношений. Все отчетливее стало вырисовываться смещение фокуса в этих отношениях: на первый план выходили региональные и международные проблемы. Вторая половина «эпохи Хрущева» была только началом этого процесса, и достигнутые на этом пути результаты были весьма скромными.

31 января 1958 г. у главы шведского правительства Таге Эрландера состоялась беседа с послом в СССР Рольфом Сульманом. Темой служило советское предложение о создании безъядерных

Рупасов Александр

Иванович,

доктор

исторических наук,

ведущий научный

сотрудник,

Санкт-Петербургский

Институт истории РАН

(Санкт-Петербург)

зон, сделанное в послании Булганина шведскому премьеру 8 января¹. Сульман доказывал уместность советских опасений и предложений: русские считают, что они будут вынуждены стереть с лица земли все базы, с которых территории СССР могут достичь первые атомные ракеты, поскольку отсутствуют возможности решить вопрос, откуда те будут запущены; отсюда и возникает вопрос первой значимости о зоне атомной периферии². Однако шведскую сторону интересовало не столько полученное от Москвы предложение, сколько наметившиеся изменения в ее отношении к ряду вопросов, касающихся Севера Европы. Правда, делавшиеся советской стороной оговорки не позволяли прогнозировать реальные последствия развития ситуации в регионе. В январе 1958 г. президент Финляндии У. К. Кекконен смог ознакомиться с информацией финского посланника в Стокгольме П. Густафссона о беседе последнего с одним из чинов МИД Швеции Бу Сигманом. Шведский дипломат сказал, что в последнее время становится заметным изменение позиции Москвы по отношению к идее скандинавского оборонительного союза: при условии выхода из НАТО Дании и Норвегии она не будет вызывать возражений советской стороны. В этом союзе могла бы, с точки зрения Швеции, участвовать и Финляндия, но при условии отказа от советско-финляндского договора 1948 г. Кекконен отказался комментировать данную информацию, заметив лишь в дневнике, что услышанное Густафссоном, скорее всего, является частной точкой зрения шведского социал-демократа³. Скептическое отношение президента Финляндии основывалось на понимании того, что отказа Копенгагена и Осло от участия в НАТО ожидать не стоит. Однако его явно интриговала информация о возможном визите Хрущева в Швецию. В апреле, когда еще не было известно об отношении самого шведского правительства к этому вопросу, Кекконен обсуждал его со своим сыном Танели Кекконеном, кадровым дипломатом.

В начале марта 1958 г. посол в Швеции Ф. Т. Гусев направил А. А. Громыко информационное письмо «О некоторых вопросах внутренней и внешней политики Швеции», определенно, подготовленное в связи с вопросом о возможном визите Хрущева в страны Скандинавии. Констатируя наличие консенсуса социал-демократической и буржуазных партий в вопросах сохранения прежней политики «вне союзов» и принятии усилий по созданию прочной обороны страны, как необходимых условий для того, чтобы Швеция осталась вне возможного военного конфликта, Гусев полагал, что «внешнеполитические позиции» кабинета Эрландера по существу означают одобрение линии на милитаризацию страны: социал-демократы проявляют готовность к компромиссам по выдвигаемым военными кругами и буржуазными партиями требованиям об увеличении военных расходов страны. Он, правда, упоминал, что в разговоре с советником Н. Воиновым 19 декабря 1957 г. министр обороны Швеции Свен Андерссон говорил, что правительство якобы не намерено учитывать требования военных, добывающихся покупки за границей самоуправляемых снарядов и атомного оружия. В действительности же шведские представители вели переговоры в Англии о покупке ракет. По-

---

сол особо обращал внимание на «антисоветский выпад», допущенный Эрландером во время дебатов в риксдаге по вопросу об увеличении военных расходов. Речь шла о заявлении премьера, что «Советский Союз жертвует пропорционально в 3–4 раза больше на оборону, чем Швеция, и что в СССР эти громадные жертвы приносит народ с низким жизненным уровнем». «Возможно, что в Советском Союзе жалуются на это бремя, но в таком случае эти жалобы высказываются тайком и в темноте. Мысль о созыве рабочих на заводе для протеста, пожалуй, не является реальной»⁴.

Ссылаясь на беседу советника Н. Воинова с генеральным секретарем МИД Швеции Л. Бельфраге, Гусев указывал, что неизбежно увеличение зависимости социал-демократического правительства от капиталистов, поскольку повышение затрат на оборону не может быть покрыто за счет налогообложения, и придется прибегать к займам. В результате намечаемая модернизация армии обернется повышением прибыли крупного финансового и промышленного капитала и дополнительными доходами высших военных, являющихся акционерами различных фирм и концернов⁵.

Оценивая реакцию шведского правительства на послание председателя Совета Министров СССР Булганина Эрландеру от 8 января 1958 г., Гусев подчеркивал, что все объективно позитивное значение согласия на созыв совещания в верхах⁶ сведено на нет выдвинутыми условиями и оговорками, свидетельствующими, что «шведское правительство не желает активно выступать за разрядку международной напряженности», а «разговоры... об ограниченных возможностях имеют своей целью прикрыть нежелание участвовать в обсуждении по существу острых вопросов, когда требуется определять свою позицию и брать на себя определенные обязательства». Посол напоминал о «непозволительном» взваливании вины Унденом за бесплодность работы комиссии ООН по разоружению на СССР (глава МИД Швеции назвал уход СССР из комиссии саботажем)⁷.

Гусев считал, что руководство социал-демократической партии «не верит в возможность урегулирования между блоком западных держав и странами социалистического лагеря вопросов, вызывающих напряженность в международных отношениях... оно встало на путь гонки вооружений, уступило требованиям буржуазных и военных кругов». Он полагал, что правительство Эрландера не станет предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы ухудшить отношения Швеции с западным блоком, «оно будет выжидать и равняться на Запад». Только в том случае, если позиция западных держав изменится, позиция Швеции также подвергнется корректировке. Ожидать предложений Швеции в вопросе о разоружении не приходится. Что касается проблемы зоны, свободной от ядерного оружия, то Швеция, несмотря на ее заинтересованность в положительном решении проблемы, будет занимать пассивную позицию, наблюдая за действиями западных держав. «Само шведское правительство не предпримет какие-либо политические шаги, которые могли бы ухудшить отношения Швеции с западными державами. Оно будет выжидать и равняться на Запад»⁸.

Мнение Гусева в целом разделялось руководством 5-го Европейского отдела МИД СССР. Возглавлявший его в то время К. К. Родионов в ответ писал, что сделанный анализ позиции шведского правительства и политических партий в целом правилен. Он соглашался с тем, что самостоятельность, проявленная шведским правительством в вопросе о наблюдателях в Ливане и Иордании, несмотря на нажим президента США Эйзенхауэра и Генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда, свидетельствует о заинтересованности шведского правительства в сохранении мира и о том, что оно может активно поддерживать предложения СССР по смягчению международной напряженности. Замечания у Родионова вызывало недостаточное освещение вопроса о разногласиях между Швецией и скандинавскими странами — членами НАТО. Относительно предложения о контактах с Г. Яррингом и А. Рёссель Родионов кратко извещал Гусева: «Контакт со шведским представительством в ООН нашими представителями поддерживается»⁹.

27 марта 1958 г. 1-я сессия Верховного Совета СССР приняла постановление о назначении Н. С. Хрущева председателем Совета Министров СССР. Булганин, лишившись этого поста, получил назначение на пост председателя Госбанка СССР. Намечавшийся на 1957 г. ответный визит в Швецию этих двух советских политиков, отложенный из-за событий в Венгрии осени 1956 г., уже в силу формальных обстоятельств делал необходимым получение повторного приглашения шведской стороны. Сам по себе тот факт, что Н. С. Хрущев взял на себя, как в свое время И. В. Сталин, обязанности главы исполнительной власти, расценивался как подтверждение серьезной озабоченности в Москве развитием международной ситуации.

Тема возможного визита Хрущева в Швецию вызывала пристальное внимание финской стороны. 31 марта 1958 г. советник посольства СССР в Финляндии В. В. Женихов намеренно обмолвился в беседе с Кекконеном, что получение Хрущевым приглашений от государств Скандинавии является очень важным¹⁰. Предпринятый советской стороной зондаж о возможной помощи со стороны Хельсинки в этом деле Кекконен попытался использовать для решения некоторых проблем в советско-финляндских отношениях. 14 апреля в беседе с Карлом Энкелем и Ээро Вуори он коснулся вопроса о возможной поддержке со стороны Швеции благоприятного исхода буксовавших советско-финляндских переговоров о долгосрочной аренде Сайменского канала¹¹. В конце апреля 1958 г. Кекконен в беседе с главой МИД П. Хюниненом заявил о желании направить в Стокгольм Оскара Вахервуори¹², чтобы выяснить, готова ли Швеция пригласить Хрущева, если финской стороной будет удачно разрешен вопрос о долгосрочной аренде территории Сайменского канала. Хюнинен предложил направить сына Кейкконена Танели.

23 апреля Танели Кейкконен вылетел в Стокгольм. Он должен был сообщить Ундену, что президент Кекконен в мае пребывает с официальным визитом в Москву. Одной из тем секретных переговоров с советской стороной являлась проблема длительной аренды Сайменского канала, однако переговоры приобрели неблагоприятный поворот. В связи с этим,

не может ли правительство Швеции обдумать возможность того, что если будет достигнуто приемлемое для Финляндии решение, то Швеция будет готова благожелательно отнестись к официальному приглашению в Стокгольм Хрущева. Т. Кекконен должен был подчеркнуть, что в Финляндии данное обращение сохраняется в тайне, что в Швеции о нем должны знать только Эрландер и Унден. Кроме того, он должен был сказать, что финской стороне известно о большой заинтересованности в этой поездке Хрущева, а также то, что президент Финляндии не хотел бы, чтобы шведская сторона ставила в известность Данию и Норвегию¹³. 27 апреля Т. Кекконен вернулся без определенного ответа. О том, что зондаж осуществлялся не без подачи советской стороны, свидетельствует и тот факт, что финский посол в Швеции П. Тарьянне предлагал ответить в Москве: предстоящие парламентские выборы в Швеции побуждают правительство уклоняться от определенного ответа¹⁴. Вместе с тем сдержанность шведского правительства могла быть продиктована и внутривнутриполитической ситуацией в Финляндии, где в апреле вынужден был уйти в отставку технический кабинет Райнера фон Фиандта, не справившегося с экономическим кризисом. В июле Финляндию ждали внеочередные парламентские выборы. Кроме того, в Стокгольме не могли не учитывать того обстоятельства, что в отношениях между Хельсинки и Москвой наступил очередной период охлаждения.

В Швеции не спешили принимать решение о повторном приглашении Хрущева. Глава шведского правительства впервые затрагивает в своих дневниках тему визита Хрущева только 20 июня 1958 г. Послу Р. Сульману было поручено довести до сведения русских, что их будут готовы принять, когда стабилизируется политическая ситуация — после сентябрьских парламентских выборов, — и когда будет выяснено отношение к визиту правительств Норвегии и Дании. В принципе, визит в 1958 г. был нежелателен. Эрландер был потрясен событием в Венгрии, произошедшим всего за четыре дня до этого — 16 июня по приговору суда был повешен бывший глава венгерского правительства Имре Надь. «Я не могу думать об официальном русском визите», — записал в дневник Эрландер¹⁵. Вместе с тем обмен запланированными делегациями разного уровня в течение всего года проходил без срывов. В ноябре в Стокгольм, в частности, прибыла советская военная делегация во главе с командующим войсками Ленинградского военного округа генералом армии Н. И. Крыловым.

Об отношении самого Хрущева к Швеции в этот период свидетельствует сделанное им на заседании Президиума ЦК КПСС 4 августа 1958 г. заявление: «Собственно говоря, Совет Соединенными Штатами превращен в какой-то комитет по координации военно-агрессивных блоков агрессоров. Вы смотрите, сколько там сейчас, в этом комитете зависимых от главного дирижера, находящихся в этих военных блоках: Куба там сидит, Панама, Колумбия, Канада, чанкайшист, Япония — военный союз у них, Швеция»¹⁶. Само упоминание Швеции в числе членов «комитета по координации военно-агрессивных блоков агрессоров» свидетельствовало

по меньшей мере об отказе относить это государство к числу нейтральных. В целом это была оценка всей политики Швеции в тот период, когда она в течение двух лет (1957–1958 гг.) занимала место непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Впрочем, на негативной оценке Швеции Хрущевым могла сказаться позиция официального Стокгольма по вопросу о визите. До скандального (для советского руководства) присуждения Нобелевской премии Борису Пастернаку оставалось еще несколько месяцев (октябрь 1958 г.), что, как можно предположить, только добавило бы красочных оттенков в высказывания советского лидера о политике Швеции¹⁷.

Негативная оценка Хрущевым роли Швеции в международных делах контрастировала с оценками советских дипломатов. 7 августа посол Гусев направил А. А. Громыко очередное информационное письмо, посвященное отношению Швеции к событиям на Ближнем и Среднем Востоке. В частности, речь шла об отношении Швеции к военной интервенции США и Великобритании в Ливане и Иордании. Гусев обращал внимание руководства на выступление в Совете Безопасности ООН представителя Швеции Гуннара Ярринга. Последний счел неуместной ссылку американской дипломатии на 51-ю статью Устава ООН в качестве оправдания интервенции в Ливане, заявив, что после высадки в этой стране американских войск условия для деятельности наблюдателей ООН существенно изменились, что заставило шведское правительство выступить за временное прекращение их деятельности. Это предложение, поддержанное СССР, было внесено шведской делегацией в Совет Безопасности ООН, несмотря на давление, которое оказывали на шведское правительство США и Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд¹⁸. Однако в дальнейшем, отмечал Гусев, шведское правительство «не проявило должной последовательности и начало маневрировать»¹⁹. Резюмируя выступления Эрландера и Ундена в парламентской дискуссии по этому вопросу, он писал, что их позиция сводилась к следующему: «Швеция — малая страна, и не ее дело предлагать программу решения возникшего конфликта. Но в сложившейся напряженной обстановке Швеция может и должна способствовать переговорам между великими державами для урегулирования этой обстановки»²⁰.

Гусев приходил к выводу, что шведское правительство «проявило определенную самостоятельность в отношении событий на Ближнем и Среднем Востоке и к развернувшейся острой дипломатической борьбе вокруг этих событий», проявив при этом определенную настойчивость в защите своей позиции. Швеция определенно стремится к сохранению мира и заинтересована в соблюдении Устава ООН. Незаинтересованность Стокгольма в обострении ситуации в указанном регионе советский дипломат объяснял опасениями, что агрессивное вмешательство Запада только способствует усилению национально-освободительных движений, которые отнюдь не имеют характера «социалистических преобразований». Сопротивление этим движениям со стороны ведущих западных держав, по мнению шведских политиков, будет лишь способствовать повышению авторитета СССР и подталкивать арабские страны

к сближению с Москвой²¹. Однако позиция Стокгольма была обусловлена не только этими опасениями, но и стремлением усилить свои экономические позиции в арабском мире.

Гусев обращал также внимание на тот факт, что шведское правительство стремилось склонить к одобрению своей позиции правительства Норвегии и Дании — «свидетельствует о том, что Швеция играет известную роль на Севере Европы». «Следует полагать, — писал он, — что шведское правительство будет и в дальнейшем проявлять заинтересованность в разрядке международной напряженности, в повышении авторитета и роли ООН в решении важных международных вопросов, проявляя при этом осторожность и сдержанность в отношении предложений Советского Союза и стремясь избежать ухудшения своих отношений с западными странами». Посол считал, что у Москвы «по-прежнему имеются возможности для работы в целях склонения Швеции к активным или пассивным действиям в деле разрядки международной напряженности и укрепления мира». «Однако, — писал он, — по нашему мнению, эта работа должна проводиться весьма осторожно, чтобы у шведов не создалось впечатления о стремлении Советского Союза оказывать какое-либо давление или влияние на политику шведского правительства». Гусев предлагал опубликовать в «Правде» и «Известиях» соответствующие материалы «по Востоку и Швеции», а также принять меры к усилению и расширению контактов со шведским представительством в США и в ООН, в частности с Гуннаром Яррингом и Агдой Рёссель²².

Оценка информации посла Гусева была дана в письме заведующего Отделом Скандинавских стран К. К. Родионова. Сделанный Гусевым анализ был признан в целом правильным, однако сделанным исключительно по данным шведской печати. Во время событий на Ближнем и Среднем Востоке сотрудники посольства редко встречались с теми политическими деятелями, которые были хорошо осведомлены о политике Швеции. По этой причине, упрекал Гусева Родионов, должного освещения не получил вопрос о разногласиях между Швецией с одной стороны, и Данией и Норвегией с другой. Родионов полагал, что проявленная шведским правительством самостоятельность свидетельствует о его заинтересованности в сохранении мира и о том, что оно «может активно поддерживать предложения СССР по смягчению международной напряженности»²³.

От внимания дипломатического корпуса в Москве не ускользнула изданная Обществом «Знание» в конце августа книга В. В. Похлебкина «Скандинавские страны и СССР». Отмечалось, что, несмотря на имевшиеся в ней неизбежные критические выпады, книга была довольно умеренной по своему тону и, насколько это было возможно в советских условиях, подчеркивала позитивные явления, стремление скандинавских стран к развитию отношений с СССР²⁴.

В течение лета–осени 1958 г. вопрос об ответном визите Хрущева оказался оттесненным более актуальными проблемами контроля за ядерными испытаниями, разоружения, ситуацией на Ближнем Востоке (в Ливане и Иордании). 23 сентября временный поверенный

в делах СССР Николай Воинов зачитал Эрландеру (Унден был в Нью-Йорке) советскую ноту, в которой выражалось пожелание о сотрудничестве советской и шведской делегаций в ООН по этим проблемам для неформального и доверительного обмена информацией. Советская делегация уже получила соответствующие директивы. Эрландер не зафиксировал в дневнике своего ответа. Что касается обсуждения в ООН проблемы ядерных вооружений, то в начале октября 1958 г. Унден предложил Эрландеру поддержать проект ирландской резолюции, предусматривавшей нерасширение «клуба ядерных держав». В Стокгольме отнеслись к этой инициативе критически.

Вопрос, решится ли правительство Швеции пересмотреть постановление риксдага, принятое в октябре 1958 г., согласно которому откладывалось решение о ядерном оружии, неизменно был в центре внимания советских дипломатов. Встретившись с лидерами шведских коммунистов 20 января 1959 г., посол Гусев информировал свое руководство: «По ходу беседы сложилось впечатление, что собеседники считают вопрос о шведском атомном оружии предрешенным, но в то же время шведские коммунисты не могут противопоставить аргументам сторонников атомного оружия своих достаточно веских аргументов. Чувствуется, что коммунисты находятся в затруднительном положении, поскольку здесь все шире распространяется мнение, что для создания крепкой обороны нейтралитета Швеции необходимо атомное оружие. С тезисом необходимости крепкой обороны согласны и коммунисты»²⁵.

В конце ноября 1958 г. вопрос о визите Хрущева стал предметом обсуждения лидеров шведских партий. Встреча была обусловлена тем, что в прессе («Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning») появилась информация о возможном приезде советского лидера. Реакция политиков была смешанной. Глава Правой партии Яльмарссон был категорически против этого визита. Бертиль Улин (Народная партия) склонялся к тому, чтобы отложить визит еще на год. Гуннар Хедлунд (Партия центра) предлагал учитывать позицию Норвегии в этом вопросе. Эрландер не принял тогда окончательного решения. Вопрос о приглашении Хрущеву также осложнялся той ситуацией, которая складывалась в советско-финляндских отношениях. Недовольство в Москве составом третьего правительства Фагерхольма повлекло сокращение объемов двусторонней торговли, что ухудшало и без того тяжелое экономическое положение Финляндии. Финский посол в Швеции Тарьянне был крайне обеспокоен тоном публикаций шведской прессы о визите Хрущева, так как это лишало положительного эффекта возможную поддержку Финляндии со стороны правительств Скандинавских государств. Король Густав VI Адольф также высказал в начале декабря Эрландеру свою обеспокоенность в отношении визита Хрущева. Впрочем, он исходил из неизбежности этого события, полагая, что начало июня 1959 г. — не совсем подходящее время для визита. Глава правительства склонялся к тому, чтобы Хрущев был приглашен в Швецию в августе или в сентябре.

Занявший в середине января 1959 г. пост главы МИД Финляндии Ральф Тёрнгрен 26 января рассказывал Кекконену о прошедшей в Осло очередной конференции Северных стран.

Одной из тем был вопрос о визите Хрущева в Скандинавские страны. Высказывались за то, что наиболее подходящее время визита — 10–15 февраля. Унден высказывал сомнения, что в Швеции удастся поддержать порядок во время визита Хрущева, так как в Стокгольме проживают 4 тыс. венгерских эмигрантов²⁶. Однако само обсуждение этого вопроса главами скандинавских внешнеполитических ведомств свидетельствовало о том, что они понимали: дальнейшее затягивание с направлением приглашения становится просто неприличным. Вместе с тем присутствие этой темы в повестке дня скандинавских правительств служит косвенным доказательством заинтересованности Хрущева в поездке в скандинавские страны. В Стокгольме изначально внимательно отслеживали настроения политических и общественных кругов по вопросу о визите советского лидера. 12 февраля Эрландер записал в свой дневник: «"Dagens Nyheter" занимает спокойную и достойную позицию в отношении визита Хрущева. Довольно прохладную, но все же выжидательную. Улин считает необходимым продемонстрировать свою солидарность с Яльмарсоном»²⁷. Ярл Яльмарсон, председатель крупнейшей буржуазной Правой партии (1950–1961), выступал категорически против приезда советского лидера.

Подготовка визита Хрущева с учетом публикаций в шведской прессе требовала от советской стороны особой тщательности. Именно по этой причине в МИД СССР настаивали в январе 1959 г. на нецелесообразности включения в советскую парламентскую делегацию представителя вооруженных сил²⁸.

13 марта 1959 г. Эрландер принял шведского посла в Москве Рольфа Сульмана. В беседе был затронут широкий спектр вопросов. В своей дневниковой записи глава правительства оценил попытку «анализа шведского позитивного решения в вопросе атомного оружия» Сульманом как интересную. Отметив, что доверие русских к политике нейтралитета Швеции «столь значительно, что едва ли станет большим», Сульман сказал: Но если решение будет принято сейчас, эффект будет серьезным, так как русские воспримут это как поддержку тех сил, которые восстанавливают немецкие вооруженные силы относительно атомного оружия. Это шведское решение вызовет такую тревогу, что русские могут думать об усилении своих позиций в Финляндии; из своих бесед в Хельсинки он вынес впечатление, что русские могут актуализировать договор о дружбе²⁹.

25 апреля 1959 г. Эрландер затрагивал тему атомного оружия в беседе с главой норвежского МИД Х. Ланге. Последний передал мнение норвежского посла в Москве О. Х. Гундерсена: интенсивная кампания русских против атомного оружия и баз в Швеции — Норвегии основана на желании получить Север совершенно лишенным обороны в течение десятилетнего периода, когда в русской обороне будет полностью доминировать атомное оружие³⁰.

Были и другие проблемы, продолжавшие интересовать шведскую сторону. В середине декабря 1958 г. на обеде, который давали в Стокгольме советские физики — лауреаты Нобелевской премии П. А. Черенков, И. Е. Тамм и И. М. Франк, у посла Гусева состоялся

обмен мнениями с Георгом Брантингом. Последний поинтересовался, сохраняются ли противоречия между Швецией и СССР по вопросу о ширине территориальных вод на Балтике (советская сторона в одностороннем порядке установила 12-мильную границу территориальных вод). Эта проблема не исчезала из повестки дня весь послевоенный период. В ответ Гусев сослался на итоги первой конференции ООН по морскому праву, проходившей в Женеве с 24 февраля по 27 апреля 1958 г., на которой участникам не удалось принять согласованной рекомендации по этому вопросу. «Правда, в позиции ряда стран произошли значительные изменения по этому вопросу. Теперь англичане с 3-мильной зоной территориальных вод уже не могут претендовать на сохранение, как преобладающей, своей точки зрения. Швеция отошла также от своей прежней позиции и была готова принять 6-мильную зону», — сказал Гусев. Брантинг в свою очередь поинтересовался, «нельзя ли достигнуть какого-либо компромиссного решения в региональном порядке для стран, расположенных в балтийском бассейне... у него самого нет готового решения, у него есть только мысль, идея»³¹.

Получение приглашений от глав правительств скандинавских государств нанести визиты в августе 1959 г. ставило в конкретной ситуации, сложившейся к лету того года, вопрос о том, что, собственно, может получить Хрущев от своих визитов. 1 июля в резиденции президента Финляндии в Култаранта Кекконен принял советника советского посольства В. В. Женихова. Кекконен задал ход беседе: «...я удивлен, зачем Хрущев едет в Скандинавию. Ничего не добьется!» Вопрос, который был задан президенту Жениховым, не вызвал у него удивления: какой должна быть линия Хрущева во время поездки по Скандинавии? В ответ советский дипломат услышал: спокойствие в Балтийском регионе, выход из НАТО, атомное оружие — не являются вопросами для обсуждения, это не прагматичная политика. Скандинавские страны опасаются особого нажима в этих вопросах. Было бы мудро, если Хрущев не стал бы их затрагивать вообще. Чего можно было бы коснуться, так это вопросов торговли и культуры³². Иными словами, рассчитывать на что-то большее, чем нанесение визита вежливости, по мнению Кекконена, не стоило. С другой стороны, особой заинтересованности шведской стороны в переговорах с Хрущевым также не было. Быть может, Эрландер и полагал, что встреча с главой советского правительства как-то скажется на отношении СССР к Финляндии³³, однако эта надежда покоилась на зыбком основании. Эту тему премьер затронул 31 мая в беседе с бывшим главой финского правительства К.-А. Фагерхольмом, спросив того, имеются ли у него какие-либо предложения. Фагерхольм уклонился от ответа³⁴.

В самой Швеции отношение к предстоящему визиту вызывало раздражение в самых разных политических и общественных кругах. Не исключением был и король Швеции. 22 мая Эрландер записал в своем дневнике: «Король с большим неудовольствием дал сегодня согласие на предоставление дворца в Хага для проживания Хрущева»³⁵.

О том, какие вопросы явно постарается затронуть в ходе переговоров Хрущев, Эрландеру должно было стать понятным из состоявшейся 28 мая беседы с послом Гусевым. Впрочем, последнему ответы главы шведского правительства должны были служить подтверждением и без того известного ему факта, что подвигек в позиции Швеции не предвидится. Прежде всего, посол проинформировал премьера о начавшем работу в Женеве совещании министров иностранных дел великих держав по вопросу о мирном договоре с Германией и ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине. Советская делегация, заявил Гусев, внесет на совещании предложение «о выработке системы действенных гарантий, обеспечивающих свободное, независимое существование вольного города Западный Берлин и его беспрепятственных связей с внешним миром». В этом совещании должны принять участие делегации Польши и Чехословакии, а результатом переговоров должна стать нормализация отношений ГДР и ФРГ. Однако западные державы выдвигают нереальные требования и не проявляют готовности к урегулированию ситуации. Эрландер, делая записи по ходу беседы, в конце ее поинтересовался, будет ли шведской стороне передан какой-либо меморандум или нота по этим вопросам. Посол сослался на то, что ему поручено довести информацию устно в доверительном порядке. Ответная реакция премьера была вполне понятной: сославшись на занятость в последние дни работы риксдага, он сказал, что не располагает временем для обсуждения этой информации³⁶. Эрландера заинтересовал иной вопрос. Накануне заведующий Скандинавским отделом Родионов поинтересовался у Сульмана, не будет ли у шведского правительства возражений против желания Хрущева воспользоваться крейсером при посещении Швеции. Эрландер, оговорившись, что не возражает против крейсера, напомнил, что ранее советскому посольству была передана программа визита, которой предусматривалось, что Хрущев прилетит на самолете. Гусев сослался на то, что не имеет информации из Москвы³⁷.

Три недели спустя у Гусева состоялась еще одна беседа — с председателем компартии Х. Хагбергом и секретарем ЦК компартии Э. Карлссоном. 2–3 июля в Стокгольме должно было собраться совещание компартий Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции. До его начала шведские коммунисты хотели получить от советской стороны ответы на ряд внешнеполитических вопросов. Сказанное шведскими коммунистами свидетельствовало о том, что они во многом разделяют настроения общественного мнения Швеции. Едва ли это было секретом для посла. Переданная в Москву информация, лишенная Гусевым комментариев, должна была служить дополнительным объяснением и доказательством того, что в ходе визита Хрущева в Стокгольм не следует рассчитывать на изменение точек зрения шведского правительства по интересующим советскую сторону вопросам.

Хагберг напомнил, что в речи, произнесенной недавно в Риге, Хрущев говорил о безатомной и безракетной зоне в Скандинавии и в районе Балтийского моря. При этом он поинтересовался, что понимается под «районом Балтийского моря», входит ли в него советская Прибалтика. «Многие в Швеции думают, — сказал он, — что при внесении названного предложения

Советский Союз исходил из принципа взаимности, т. е. подразумевал включение в названную зону не только Скандинавии, но и Прибалтики». Карлссон к этому добавил, что недавно посетивший Данию секретарь Ростокского обкома Социалистической единой партии Германии (ГДР) Мэвис на своей пресс-конференции заявил, что советская Прибалтика в эту зону войдет. Кроме того, Хагберга интересовало, как следует интерпретировать слова Хрущева, что Дания и Норвегия вступили в НАТО по недоразумению³⁸.

Гусев отказался давать ответы на поставленные вопросы, обещав запросить по ним Москву. Встретившись с Хагбергом и членом ЦК КПШ К. Бекстремом полторы недели спустя, посол изложил позицию советского руководства: 1) главной задачей является ослабление связей Норвегии и Дании с НАТО, пропаганда перехода этих стран на позиции нейтралитета; 2) создание безатомной и безракетной зоны в Северной Европе является первым шагом на пути перехода всех скандинавских стран на позиции нейтралитета. Используемый сторонниками размещения в Дании и Норвегии атомного и ракетного оружия тезис о том, что Советский Союз должен исходить из принципа взаимности и включить в предлагаемую зону и советскую Прибалтику, является ложным, «преследует цель запутать ясный вопрос и ввести в заблуждение общественное мнение северных стран. Требование объявить безатомной и безракетной зоной советскую Прибалтику лишено всякого практического смысла. Ведь при нынешнем состоянии военной техники одна-две сотни километров не имеют скольконибудь существенного значения с точки зрения применения ракетного и ядерного оружия». Советский Союз готов вместе с западными державами гарантировать статус-кво на Севере Европы и рассматривать территорию входящих в эту зону государств как исключенную из сферы применения ядерного и ракетного оружия³⁹.

У руководителей шведской компартии, судя по всему, была несколько отличная точка зрения. Хагберг сослался на свою беседу с Вальтером Ульбрихтом в Ростокке. Последний считал, что Советский Союз мог бы в одностороннем порядке предоставить обязательство уважать статус-кво безракетной и безатомной зоны и рассматривать территорию входящих в эту зону государств как исключенную из сферы применения ядерного и ракетного оружия⁴⁰. Для собеседников посла должно было стать очевидным, что хрущевское предложение ограничивается сферой советской внешнеполитической пропаганды. Что касается отношения СССР к старой идее скандинавского оборонительного союза, то из слов Гусева следовало, что никакой агитации за или против этой идеи коммунисты вести не должны.

Для советской стороны в связи с намечавшимся визитом Хрущева важное значение имел приезд в Москву в середине июня шведской делегации во главе с министром торговли Гуннаром Ланге. Последний при переговорах с первым заместителем председателя Совета Министров А. И. Микояном поднял вопрос, вызывавший повышенное внимание советской дипломатии, а именно, «об отношении к тем экономическим объединениям, которые созданы или будут созданы в Западной Европе».

Еще в 1957 г. шесть западноевропейских государств (Бельгия, Германия, Нидерланды, Италия, Люксембург и Франция) пришли к созданию Европейского экономического сообщества («общий рынок»). Оставшиеся вне его рамок члены Организации европейского экономического сотрудничества Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия, Австрия, Швейцария и Португалия по инициативе Великобритании провели переговоры о создании зоны свободной торговли (*European Free Trade Association / EFTA*). Соглашение было парафировано в ноябре 1959 г. и подписано в январе 1960 г.

На переговорах шведской и советской делегаций в Москве стороны сошлись в оценке «так называемого общего рынка 6 стран». Однако после первых бесед для Ланге оставалась неясной позиция СССР в отношении «планов создания малой зоны свободной торговли, в которую должны войти 7 стран (Англия, Швеция, Норвегия, Дания, Австрия, Швейцария, Португалия)». У шведского министра осталось впечатление, что Микоян колеблется в оценке этой зоны торговли, тогда как в действительности ее создание в интересах развития торговли между Востоком и Западом, поскольку в этом случае речь идет не о создании наднационального органа (как в случае с первой группой стран), а о тарифах, регулировании импорта. Поэтому холодная реакция советской стороны его удивляет. Схожая с советской реакция была встречена Ланге у американцев, считающих, что не следует принимать каких-либо шагов, препятствующих «общему рынку»⁴¹. По мнению Ланге, «общий рынок» «является отрицательным явлением в области международной торговли», он создавался по политическим, а не экономическим соображениям.

Позиция, занятая Микояном на переговорах, была вполне объяснима. На европейские интеграционные процессы советская дипломатия повлиять не могла. Ей оставалась роль стороннего наблюдателя, пытавшегося просчитать вероятные геополитические потери. Микоян, подчеркнув отрицательное отношение советской стороны к «общему рынку» («шестерке»), заметил, что создание малой зоны свободной торговли («семерки») хотя и является вынужденной мерой, но ее едва ли можно было считать позитивным явлением. Он откровенно сказал о подозрениях, что образование такой зоны отрицательно скажется на торговле с Советским Союзом. «Мы допускаем, что у инициаторов создания такой зоны, — подчеркнул Микоян, — хорошие намерения, но нельзя не высказать опасений, что против их воли, так сказать логикой вещей, могут создастся условия, неблагоприятные для осуществления торговли Советским Союзом со странами — участницами этой зоны»⁴².

Формулируя советскую позицию в отношении интеграционных процессов в Западной Европе, Микоян сказал: «Наша принципиальная позиция известна — мы против расщепления европейского рынка на части... Естественно, мы стараемся обезвредить действие “общего рынка” на нашу торговлю, ослабить отрицательные последствия создания “общего рынка”. Франция, Западная Германия, Италия охотно идут на развитие торговли с нами. Только с США мы не можем найти пока общего языка»⁴³. На свой вопрос, какова была бы позиция Швеции

в отношении малой зоны свободной торговли, Микоян получил весьма интересный ответ: «... на нашем месте он (Советский Союз. — *А. Р.*) не предпринимал бы никаких мер, которые могли бы помешать усилиям, направленным на создание малой зоны свободной торговли. Он просто занял бы позицию наблюдателя и следил бы за тем, что происходит в этой области». Своим ответом Ланге ставил под сомнение уместность выраженного в начале беседы сожаления, что советская сторона испытывает колебания в отношении этой зоны и занимает неясную позицию. Ответная реплика Микояна последовала незамедлительно: «...это интересный совет»⁴⁴.

В конце беседы Ланге счел вполне уместным выразить сожаление по поводу членства Дании и Норвегии в НАТО. Вместе с тем, не разделяя мнение собеседника в отношении ЕЭС, что «чем раньше развалится эта замкнутая группировка, тем будет лучше», Ланге подчеркнул, что им, шведам, «очень важно найти пути и средства для ослабления соглашения об “общем рынке”»⁴⁵. Тема результатов визита Хрущева в Швецию не затрагивалась. Ланге ограничился обсуждением вопросов двусторонней торговли⁴⁶.

Приближение даты намечавшегося визита Хрущева в Скандинавию влекло, что вполне понятно, спешную подготовку в МИД аналитических материалов для руководства. К их числу относится и подготовленная 13 июля 1959 г. Отделом Скандинавских стран пространная справка «Внешняя политика северных стран и отношения этих стран к СССР». Относительно Швеции в ней подчеркивалось: «проводя политику нейтралитета, Швеция делает большой крен в сторону Запада, что объясняется ее тесными экономическими связями и идеологической общностью ее правящих кругов с Западом». Одновременно отмечалось, что Швеция считается с возросшей экономической и военной мощью СССР и в общем поддерживает добрососедские отношения⁴⁷. Этой констатацией жестко очерчивались пределы возможного двустороннего сотрудничества в международных делах. Фактически аналитики МИД солидаризировались с вышеупомянутым мнением Кекконена.

Ничто не предвещало скандального отказа советского лидера от нанесения визита в скандинавские столицы. В начале июня заместитель министра иностранных дел Г. М. Пушкин принял послов скандинавских государств. Темой беседы были некоторые технические аспекты организации визита. Послы, в частности, заявили: у их правительств сложилось впечатление, что количество сопровождающих Хрущева лиц превысит 60 человек⁴⁸. «Наши правительства, — заявили послы Сульманн, Гундерсен и Мёрк, — задают себе вопрос, не следует ли искать причину столь значительных размеров советской делегации в советской оценке объема тех переговоров, которые будут вестись во время визита в три страны. Необходимо, однако, указать, что что-либо подобное не входило в те планы визита, которые составлялись в наших странах, а также, что слишком большая делегация могла бы придать визиту оттенок того, что она имеет другой характер, чем это предполагалось в действительности». Пушкин объяснил численность советской делегации так: «опыт поездок правительственных делегаций Советского Союза в другие страны показывает, что во время встреч

возникают самые различные вопросы, по которым требуется привлечение экспертов»⁴⁹. Вместе с тем упоминание об «объемах переговоров» неизбежно должно было наводить на мысль, что в скандинавских столицах хотели бы избежать расширения советской стороной ранее намечавшейся повестки дня. Иными словами, в очередной раз подтверждалась точка зрения Кекконена. Насколько Хрущев готов был довольствоваться визитом вежливости?

В половине восьмого вечера 19 июля заместитель министра иностранных дел СССР В. С. Семенов передал временному поверенному в делах Швеции в СССР Ёрану Рюдингу памятную записку об отсрочке визита Хрущева⁵⁰. Для Рюдинга это оказалось полной неожиданностью. Накануне (18 июля) на приеме в посольстве Швеции по случаю приезда министра внутренних дел Юханссона у посла Сульмана состоялось обсуждение ряда вопросов (в том числе, создание безъядерных зон в Скандинавии и на Балтике) с другим заместителем министра иностранных дел — Пушкиным, но в ходе беседы не прозвучало и намек на возможность переноса визита на неопределенное время. В качестве причины отмены визита советская сторона упоминала нежелание шведских властей обуздать антисоветскую кампанию в прессе⁵¹. В переданной Рюдингу памятной записке подчеркивалось, что в Швеции «создан так называемый “августовский комитет”, в который входят бывший главнокомандующий вооруженными силами Швеции генерал Юнг, редактор шведской газеты “Дагенс нюхетер” Тингстен и другие лица, призывающие к проведению митингов и демонстраций против государственного визита. Во враждебной Советскому Союзу кампании участвуют некоторые члены государственного внешнеполитического комитета — лидер шведской консервативной партии Яльмарсон, председатель шведской либеральной партии Улин и другие... Характерно, что в этом активное участие принимают и печатные органы правительственной социал-демократической партии»⁵².

Основным тезисом в той публичной дискуссии, инициатором которой выступили Яльмарсон и Бертиль Улин, был тот, что визит Хрущева поставит Швецию перед необходимостью приветствовать представителя бесчеловечной политической системы, создающей главную угрозу развязывания войны. Нельзя не признать, что приведенное в «Памятной записке» объяснение отмены визита было лишено оснований: «...внутренние условия в Швеции сейчас, видимо, таковы, что не располагают к приезду советской делегации, а осуществлять поездку только для того, чтобы нанести ответный визит протокольного характера, вряд ли целесообразно... государственный визит должен иметь определенное политическое значение. Только при этом условии он имеет смысл»⁵³.

Скорее всего, в Москве, исходя из оценок реакции шведской стороны на неоднократные советские инициативы (по германской проблеме, по созданию безъядерной зоны на Севере Европы и др.), а также учитывая все большую вовлеченность Швеции в европейские интеграционные процессы, пришли к выводу, что визит с политической точки зрения бесперспективен, тем более что последующий анонсированный визит Хрущева в США,

безусловно, диктовал шведскому, норвежскому и датскому правительствам занятие выжидательной позиции по основным международным проблемам. Отказ от визита в одну Швецию был бы труднообъясним, поэтому схожие по содержанию ноты были переданы и в посольства Норвегии и Дании, однако переданная норвежской стороне нота была более краткой и выдержана в более спокойном тоне, что, вероятно, объяснялось особым отношением к главе норвежского правительства Герхардсену. Едва ли Хрущев принял решение об отказе от визитов в Скандинавские столицы без обсуждения с коллегами по политическому руководству. К сожалению, в издании протоколов заседаний этого высшего партийного органа отсутствуют протоколы за период со 2 июля по 24 сентября (№ 227–239).

Узнав об отказе Хрущева, Эрландер на страницах дневника не скрывал, что случившееся вызывает у него сомнения в значимости Скандинавии для политики мировых держав. Он считал, что остается только надеяться, что русские назвали подлинную причину — кампанию в прессе⁵⁴. 21 июля ему пришлось убедиться, что сомнения одолевают не только его. Датский министр иностранных дел Йенс Отто Краг полагал, что теперь положен конец любым иллюзиям, что скандинавские страны могут играть роль моста между востоком и западом. Эрландер не знал, чем это обернется для торговли с Советским Союзом, культурных связей, как скажется на обострении внешнеполитических дебатов в Швеции, на тактике его партии. Перед ним стоял вопрос — является ли решение Хрущева сигналом обострения международных противоречий⁵⁵? Только результаты последовавшей поездки советского лидера в США несколько развеяли возникавшие опасения.

О желании шведской стороны преодолеть вызванную отказом Хрущева ситуацию свидетельствовал прием в советском посольстве по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. На него пришло 460 иностранных гостей, в том числе Эрландер, Унден, министр юстиции Ингвар Линделль, депутаты риксдага. Ранее, как отмечали в посольстве, многие члены правительства и депутаты риксдага на такие приемы не приходили и даже не присылали сообщений, что не смогут прийти. На этот раз снова не пришли представители высшего военного командования. Их отсутствие компенсировалось представителями делового мира. Вместе с тем Гусев констатировал, что в краткой беседе с Эрландером чувствовалась определенная сдержанность.

В конце 1959 г. имел место еще один эпизод, вызвавший крайне негативную реакцию Эрландера. В Москве не могли не отнестись с настороженностью к торжествам по случаю 60-летия организованного рабочего движения, намеченным социал-демократической партией Финляндии на конец ноября. Именно финские социал-демократы рассматривались советской стороной в качестве главного политического врага; Вяйнё Таннер, Унто Варьонен и Вяйнё Лескинен, фактически определявшие политику партии, вызывали в Москве нервную реакцию. Особенно для Варьонена была характерна излишняя прямолинейность в изложении своих оценок публично. Не вполне подходящее качество для политика. В свою очередь нескрывае-

мый антикоммунизм Лескинена и готовность к воплощению его в жизнь открывали дорогу для симпатий на Западе, и этих симпатий становилось больше по мере обострения холодной войны. Намечавшиеся в Хельсинки торжества и известие, что в них примет участие лидер шведских социал-демократов Таге Эрландер, побудили Москву к дипломатическому демаршу, который в дневнике шведского премьера был кратко, но емко охарактеризован как «печальный и идиотский»⁵⁶. То, на чем по указанию своего руководства настаивал добившийся аудиенции советский посол, явно выходило за рамки дозволенного в отношениях двух государств.

23 ноября посол Гусев запросил срочную аудиенцию у премьера. Тот смог его принять 25-го. О чем может идти речь, премьер мог догадываться, так как уже 23-го от своего норвежского коллеги он знал о демарше, предпринятом советским поверенным в делах СССР в Норвегии⁵⁷. Посол, начав с информации о готовящихся в Хельсинки торжествах, которые станут «антисоветской демонстрацией, направленной на ухудшение отношений между Финляндией и Советским Союзом», подчеркнул, что они приурочены к двадцатилетней годовщине начала советско-финляндской войны. Гусев поинтересовался, действительно ли Эрландер поедет в Финляндию. «Даже с учетом того, что этот вопрос исходит от посла соседнего, дружественного государства, — ответил премьер, — все же сама постановка вопроса является необычной». Он действительно поедет в Хельсинки и выступит с шестиминутной речью; он не может верить, чтобы организаторы такого празднования хотели бы нанести какой-либо вред Советскому Союзу, что если бы и были такие намерения, то эти люди поступили бы глупо. Гусев отметил, что Эрландер не скрывал своего раздражения. Тем не менее, посол продолжал настаивать: «...участие премьер-министра в организуемом празднестве было бы воспринято в Советском Союзе и в других северных странах как стремление шведского правительства оказать поддержку антисоветской демонстрации... что могло бы нанести ущерб развитию дружественных отношений между Швецией и Советским Союзом». Эрландер категорически заявил, что «не может себе представить такого положения, когда в результате представления советского посла председатель шведской социал-демократической партии не поехал на празднование годовщины соседней партии»⁵⁸. О содержании беседы с советским послом Эрландер не рассказал даже Ундену⁵⁹.

Странная ситуация, созданная отказом от визита, требовала от советской стороны своего способа разрешения. Однако поиск выхода из нее занял не один год.

---

¹ Еще в конце ноября 1957 г. в связи с предстоящей сессией НАТО МИД СССР подготовил проект заявления советского правительства. Проект политическим руководством был отклонен. МИД получило указание разработать «предложения, которые включали бы в себя обращения с посланиями в одних случаях главам государств, в других случаях главам правительств соответствующих стран по вопросам, связанным с мероприятиями, направ-

ленными на ослабление международной напряженности». — Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Под ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 1023–1024.

² *Erlander T. Dagböcker 1958. Utgivna av Sven Erlander. Stockholm, 2008. S. 46.*

³ *Kinnunen M. Presidentti Urho Kekkonen poliittinen suhdeverkosto Pohjoismaihin, Eurooppaan, Yhdysvaltoihin, ja Neuvostoliittoon hänen päiväkirjojensa valossa 1958–1962. Joensuu, 2008. S. 26; Urho Kekkonen päiväkirjat. Osa 1. 1958–1962. Toimittanut Juhani Suomi. Helsinki, 2001. S. 37. — В 1957 г. в Швеции издательством «Tiden» была издана книга Роланда Польссона «Världskris och varnad neutralitet», в которой на с. 107 излагалась мысль, услышанная Густафссоном от Сигмана.*

⁴ Ф. Т. Гусев, А. А. Громыко. О некоторых вопросах внутренней и внешней политики Швеции (информационное письмо). 7.3.1958 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0140. Оп. 49. П. 196. Д. 21. Л. 20–22.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ 30 декабря 1957 г. Президиум ЦК КПСС одобрил подготовленный МИД проект предложений советского правительства о созыве совещания глав государств для обсуждения вопросов разоружения и других международных проблем. В совещании должны были принять участие кроме государств — членов НАТО и Варшавского договора ряд неприсоединившихся стран, в том числе и Швеция. — Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 1025.

⁷ Ф. Т. Гусев, А. А. Громыко. О некоторых вопросах внутренней и внешней политики Швеции (информационное письмо). Л. 27.

⁸ Там же. Л. 28–29.

⁹ Письмо К. К. Родионова Ф. Гусеву, 9.8.1958 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 49. П. 196. Д. 21. Л. 44–45.

¹⁰ *Urho Kekkonen päiväkirjat. Osa 1. 1958–62. Keuruu, 2001. S. 61.*

¹¹ *Ibid. S. 65.*

¹² Торстен Оскар Вахервуори (до 1908 — Нордквист) (1901–?) посланник Финляндии в Дании (1956–1957), статс-секретарь МИД (1957–1961).

¹³ *Urho Kekkonen päiväkirjat. Osa 1. S. 68–69.*

¹⁴ *Ibid. S. 70.*

¹⁵ *Erlander T. Dagböcker 1958. Utgivna av Sven Erlander. Stockholm, 2008. S. 174.*

¹⁶ Стенографический запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу «Об ответах тов. Хрущева на послание Эйзенхауэра от 1 августа, Макмиллана и де Голля от 31 июля с. г.» // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 329.

¹⁷ Самую реакцию в СССР на присуждение Б. Пастернаку премии у Эрландера были все основания назвать идиотской. — *Erlander T. Dagböcker 1958. S. 266.*

¹⁸ Ф. Т. Гусев, А. А. Громыко. О реакции в Швеции на события на Ближнем и Среднем востоке (информационное письмо). 7.8.1958 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 49. П. 196. Д. 21. Л. 30–31.

¹⁹ Там же. Л. 34.

²⁰ Там же. Л. 38.

²¹ Там же. Л. 40.

²² Там же. Л. 43. — Агда Виола Рёссель (1910–2001) — член социал-демократической партии Швеции; в 1951–1953 гг. была членом комиссии ООН по правам человека, в 1954–1958 гг. — членом комиссии по правам женщин; в 1958–1964 гг. была постоянным представителем Швеции в ООН. Гуннар Вальфрид Ярринг (1907–2002) был постоянным представителем Швеции в ООН с 1956 по 1958 г., затем (до 1964 г.) послом в США. В своих воспоминаниях Ярринг высоко отзывался о советском представителе в Совете Безопасности ООН, после Аркадии Александровиче Соболева и его заместителе Георгии Петровиче Аркадьеве. Первый был, по его словам, очень

опытным дипломатом, великолепно разбирающимся в вопросах мировой политики, не отказывавшимся в частных беседах открыто дискутировать по обсуждаемым в Совете Безопасности проблемам. Вторым отличался живым характером, чувством юмора, в целом был человеком, опережавшим свое время. — *Jarring G. Rikets förhållande till främmande makt. Memoaren 1952–1964. Stockholm, 1983. S. 92–93.*

²³ Письмо К. К. Родионова Ф. Т. Гусеву. 9.8.1958 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 49. П. 196. Д. 21. Л. 44–45.

²⁴ *Wuori E. Moskovassa oleva suurlähetystön raportti N 35, 20.8.1958 // UMaArk. 5 с 18.*

²⁵ Ф. Т. Гусев. Запись беседы с Х. Хагбергом, Родни Эман и К. Телль. 20.1.1959, 23.1.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 5. Л. 4.

²⁶ *Urho Kekkonen päiväkirjat. Osa 1. S. 189.* — Швеция решила принять венгерских беженцев уже через день после начала ввода советских войск в Венгрию. В результате в течение 1956–1958 гг. в Швецию приехали примерно 8000 венгров. — *Straszner B. Ungrare, ungerska och ungersk kultur i Sverige och Finland. En översikt. Uppsala, 2010. S. 15.*

²⁷ *Erlander T. Dagböcker 1959. Utgivna av Sven Erlander. Stockholm, 2009. S. 48–49.*

²⁸ Записка М. Грибанова В. С. Семенову. 19.1.1959 // АВП РФ. Ф. 01040. Оп. 47. П. 190. Д. 13. Л. 1.

²⁹ *Erlander T. Dagböcker 1959. Utgivna av Sven Erlander. Stockholm, 2009. S. 67–68.* — Сульман был проездом в Хельсинки 7–8 марта. В беседе с Рольфом Тёрнгреном он касался визита Хрущева в Швецию.

³⁰ *Erlander T. Dagböcker 1959. S. 98–99.*

³¹ Из дневника Ф. Т. Гусева. Запись беседы с Г. Брантингом. 15.12.1958 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 49. П. 195. Д. 3. Л. 19–20. — «Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне» (вступила в силу 10 сентября 1964 года). Вторая конференция ООН, проходившая в 1960 г., также не разрешила вопроса о границах «территориального моря».

³² *Urho Kekkonen päiväkirjat. Osa 1. S. 250.*

³³ *Petersson M. «Brödrafolkens väl». Svensk-norska säkerhetspolitiska relationer 1949–1969. Stockholm, 2003. S. 125.*

³⁴ *Erlander T. Dagböcker 1959. S. 119.*

³⁵ *Ibid. S. 112.*

³⁶ Ф. Т. Гусев. Запись беседы с Т. Эрландером. 28.5.1959. 30.5.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 5. Л. 22–27.

³⁷ Там же. Л. 28–29.

³⁸ Ф. Т. Гусев. Запись беседы с Х. Хагбергом и Э. Карлссоном. 18.6.1959. 24.6.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 5. Л. 30–32.

³⁹ Ф. Т. Гусев. Запись беседы с Х. Хагбергом и К. Бекстремом. 29.6.1959. 30.6.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 5. Л. 34–35.

⁴⁰ Там же. Л. 36.

⁴¹ Отношение США к ЕФТА изначально было отрицательным, так как считалось, что создание этой организации не несет каких-либо геополитических выгод и, напротив, создает дополнительные торгово-политические препятствия. Американская администрация прилагала максимальные усилия к тому, чтобы помешать достижению соглашения об особых отношениях между «шестеркой» и «семеркой». Однако публично Вашингтоном эта позиция не озвучивалась. Подробнее см., например: *Lundestad G. 1) «Empire» by Integration. The United States and European Integration, 1945–1997. N. Y., 1998. P. 83–98; 2) The United States and Western Europe since 1945. From «Empire» by Invitation to Transatlantic Drift. N. Y., 2003. P. 77–96, 132–136, 175–185.*

⁴² Запись беседы А. И. Микояна с министром торговли Швеции Гуннаром Ланге. 13.06.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 3. Л. 8–9.

⁴³ Там же. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 16, 18. — 20 ноября 1959 г. по инициативе Великобритании была создана Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), как своего рода противовес созданному по инициативе лидеров Бенилюкса Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС), договор о создании которого был подписан 25 марта 1957 г. Целью последнего было создание общего рынка и постепенное сближение национальных экономических политик при непрерывном и равномерном экономическом росте и повышении уровня жизни. Реализация данной цели с неизбежностью диктовала трансформацию в перспективе данной организации в политическое Сообщество, что само по себе поставило бы ряд серьезных проблем, в том числе о тех пределах, в которых его члены готовы пожертвовать своим суверенитетом, в частности при осуществлении внешней политики.

⁴⁶ Интерес к развитию двусторонней торговли проявляли не только официальные должностные лица Швеции. Весной 1958 г. советскому послу было поручено в устной форме ответить на высказанные руководством шведских коммунистов пожелания в их обращении в ЦК КПСС. В частности, речь шла о неназванной шведской фирме, за предоставление дополнительных заказов которой хлопотали шведские коммунисты. — Ф. Т. Гусев. Запись беседы с Х. Хагбергом. 29.4.1958. 8.5.1958 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 49. П. 195. Д. 3. Л. 9.

⁴⁷ Комаров А. А. Хрущев и Швеция // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. М., 2007. С. 220.

⁴⁸ Предполагалось, что в Скандинавию поедут 2 министра, 2 заместителя министров, секретарь ВЦСПС, 15 экспертов, 30 сотрудников техперсонала и 10 корреспондентов.

⁴⁹ Г. М. Пушкин. Прием послов Швеции, Норвегии и Дании. 5.6.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 3. Л. 1–3. — В дипломатических кругах ходили слухи, что при обсуждении программы визита в Копенгаген датская сторона настаивала на том, что будет нести расходы только по приему 5 человек («Хрущев+4»), а за остальных должна платить советская сторона.

⁵⁰ В. С. Семенов. Запись беседы с Рюдингом. 19.7.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 3. Л. 18. — В своих воспоминаниях (*Semjonow W. S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995*) советский дипломат уклонился от упоминания сюжета с несостоявшимся визитом Хрущева.

⁵¹ Еще в начале декабря 1958 г. у Э. Ундена состоялась беседа с послом Финляндии в Швеции Пяйвё Тарьянне. Последний был обеспокоен публикациями в шведской прессе, посвященными визиту Хрущева в Швецию, так как это создавало затруднительную ситуацию для финнов. — *Erlander T. Dagböcker 1958. S. 295.* — Позже (в сентябре 1959 г.) сыгранная Яльмарсоном роль в срыве визита Хрущева (если для последнего антисоветская кампания в прессе не была только предлогом для отказа) привела к тому, что Унден настоял на том, чтобы не включать этого шведского политика в состав делегации Швеции на Генеральную ассамблею ООН. — *Bjereld U. Hjalmarsonaffären. Ett politiskt drama i tre akter. Göteborg, 1997; Kronvall O. Den bräckliga barriären. Finland i svensk säkerhetspolitik 1948–1962. Stockholm, 2003. S. 276 etc.*

⁵² Памятная записка, переданная В. С. Семеновым временному поверенному в делах Швеции в СССР Ё. Рюдингу. 19.7.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 3. Л. 21.

⁵³ Памятная записка... Л. 22.

⁵⁴ *Erlander T. Dagböcker 1959. S. 146.*

⁵⁵ *Ibid. S. 147.*

⁵⁶ *Ibid. S. 229.*

⁵⁷ *Ibid. S. 228–229.*

⁵⁸ Ф. Т. Гусев. Запись беседы с Т. Эрландером. 25.12.1959 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 50. П. 197. Д. 5. Л. 52–53.

⁵⁹ *Urho Kekkonen päiväkirjat. Osa 1. 1958–62. S. 290.* — Советский демарш вызвал резкую реакцию в скан-

динавских столицах. Датский премьер Ханс Христиан Хансен заявлял, что он принял участие в торжественном заседании в Хельсинки именно в пику Москве. В данном случае, однако, следует учитывать, что Хансен пользовался дурной славой в СССР: в Москве говорил одно, на родине — другое.

Rupasov A. I. The Soviet-Swedish relations in the late 1950s.

ABSTRACT: In article the Soviet-Swedish relations in the late 1950s are considered in the context of North Europe regional problems. Special attention is drawn to the visit of N. S. Hrushchev to Stockholm, cancelled in August 1959, and to difference in estimation of that situation by the Soviet embassy in Sweden and Soviet Foreign Affairs Ministry management.

KEYWORDS: Sweden, the USSR, Finland, Erlander, Undén, Khrushchev, atomic weapons, international trade, the European integration.

AUTHOR: Ph. D. in History, leading researcher, St. Petersburg History Institute of the Russian Sciences Academy (Saint-Petersburg); rupasov_ai@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Chernovy'e protokol' ny'e zapisi zasedaniy. Stenogrammy' / Pod red. A.A. Fursenko. Moscow, 2003.
- ² *Erlander T.* Dagböcker 1958. Utgivna av Sven Erlander. Stockholm, 2008.
- ³ *Kinnunen M.* Presidentti Urho Kekkosen poliittinen suhdeverkosto Pohjoismaihin, Eurooppaan, Yhdysvaltoihin, ja Neuvostoliittoon hänen päiväkirjojensa valossa 1958–1962. Joensuu, 2008.
- ⁴ Urho Kekkosen päiväkirjat. Osa 1. 1958–1962. Toimittanut Juhani Suomi. Helsinki, 2001.
- ⁵ Russian Federation Foreign Policy Archive.
- ⁶ Urho Kekkosen päiväkirjat. Osa 1. 1958–62. Keuruu, 2001.
- ⁷ *Jarring G.* Rikets förhållande till främmande makt. Memoaren 1952–1964. Stockholm, 1983.
- ⁸ *Wuori E.* Moskovassa oleva suurlähetystön raportti N 35, 20.8.1958 // UMark. 5 c 18.
- ⁹ *Straszer B.* Ungrare, ungerska och ungersk kultur i Sverihe och Finland. En översikt. Uppsala, 2010.
- ¹⁰ *Petersson M.* «Brödrafolkens väl». Svensk-norska säkerhetspolitiska relationer 1949–1969. Stockholm, 2003.
- ¹¹ *Lundestad G.* «Empire» by Integration. The United States and European Integration, 1945–1997. N. Y., 1998.
- ¹² *Lundestad G.* The United States and Western Europe since 1945. From «Empire» by Invitation to Transatlantic Drift. N. Y., 2003.
- ¹³ *Komarov A. A.* Xrushhev i Shveciya // Severnaya Evropa. Problemy' istorii. Vy'p. 6. Moscow, 2007.
- ¹⁴ *Semjonov W. S.* Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995.
- ¹⁵ *Bjereld U.* Hjalmarsonaffären. Ett politiskt drama i tre akter. Göteborg, 1997.
- ¹⁶ *Kronvall O.* Den bräckliga barriären. Finland i svensk säkerhetspolitik 1948–1962. Stockholm, 2003.